

Зарубка на память

Осколок мины, разорвавшейся на поле боя, до сих пор в ноге ветерана

МНЕ с земляками-уральцами после кровопролитных боев за освобождение Донбасса довелось принимать участие в боях Сандомирского плацдарма на левом берегу Вислы. В конце марта вышли с боями к Балтийскому побережью в устье Одера. К апрелю наша шестая армидивизия вернулась на Берлинское направление. К осени сорок четвертого территория СССР была освобождена полностью, фронт Великой Отечественной остановился на польской Висле. Ощущалась близость победы.

Получив боевой опыт при освобождении Донбасса и окончив краснодарское минометное училище в Кушке, осенью сорок четвертого я был направлен командиром взвода управления дивизиона шестой армидивизии особого резерва Ставки Верховного Главнокомандующего арктического прорыва первого Белорусского фронта под командованием маршала Георгия Жукова. Это была особая дивизия, ее создали для наступления Первого Белорусского фронта на Берлинском направлении. Мы включились в бои на плацдарме у города Сандомир за несколько дней до наступления. Кто хоть раз за время войны побывал на плацдарме, на всю жизнь сохранил в памяти атмосферу огромного напряжения. Оно было и у офицера, непрестанно думающего, как покрепче зацепиться за землю, и у полевого медика, для которого переправа тяжелораненых через реку на большую землю становилась сущей бедой, и даже для тыловика, мучительно размышляющего, как доставить на пятячок продукты, снаряды, боеприпасы. И как бы ни были закалены сердца воинов, они содрогались перед опасностью смерти.

Я со взводом управления – разведчиками, радистами-связистами. Круглосуточно мы на передовой активно и скрытно вели наблюдение за противником. Информацию передавали в штаб дивизии. Обеспечивали подготовку прорыва в зимних условиях при восемнадцатидвадцатиградусном морозе.

14 января с взвоятого Сандомирского плацдарма началось наступление на Варшавско-Берлинском направлении. Оборона противника была сломлена двухчасовым артиллерийским огнем. Потом поднялась в атаку гвардейская пехота, заняла первую цепь окопов неприятеля, невзирая на упорное сопротивление немцев. К концу дня мы выбили фашистов со второй линии окопов. И все равно приходилось подавлять ожившие огневые точки. И так в течение двух дней корректировали огонь батареи, пока не образовалась брешь во вражеских

рядах. И войска с приданными танковыми частями и механизированными подразделениями стали громить противника, развивая наступление на запад, уничтожая на пути разрозненные группы и гарнизоны сопротивляющихся городов и населенных пунктов. Дорога отступления врага была усыпана раздавленной военной техникой, повозками с рассыпанными фаустпатронами и награбленным добром. Наступательный порыв рос с каждым днем. От фашистского логова нас отделяло 500-600 километров боевого пути.

С соседями справа – первым Белорусским фронтом с Магнушевского плацдарма, расширяя прорыв – наступление на запад и север, мы 17 января сорок пятого освободили Варшаву, а под Варшавой – концлагерь Освенцим. Я не участвовал в освобождении, мы проходили мимо огороженной проволокой территории, когда эсесовская охрана сбежала, но еще не все пленники вышли – мы слышали их привертвывая на разных языках, видели изможденных людей из-за «колючки». Страшное зрелище.

Преодолевая яростное сопротивление немцев, наши войска медленно, но упорно продвигались вперед. Враг цеплялся за каждый из семи заранее сооруженных рубежей обороны, бросая в бой новые части. Наши войска несли ощутимые потери. Боевые дни были трудными, ночи – бессонными. Приходилось дремать на снегу у наблюдательного пункта, подстелив сосновые ветки и прикрывшись плащ-палаткой. В эти дни мне вместе с другими воинами четырежды была объявлена благодарность Верховного главнокомандующего И. Сталина за участие в прорыве и взятие польских опорных городов-крепостей.

Запомнилось первое марта. У города Реец в Померании мы были в обороне вместе с пехотинцами. Пытались убрать назойливого снайпера противотанкового ружья, но безрезультатно. Он укрылся в вырытом в насыпи «гнезде» под рельсами. Вскоре началась фронтовая заваруха. Короткую артподготовку навели гвардейские минометы – «катюши», и реактивные снаряды летели через нашу передовую. Мы из окопов наблюдали за противником. Уцелевшие оглушенные фрицы бросались к нам через нейтральную полосу, ведя огонь. Гвардейцы ответили огнем на поражение. А когда арналет перенесли вглубь обороны противника, пехота пошла в контратаку, закрепляя успех прорыва.

Командир 113-го минометного полка полковник Ходько дал мне приказ сняться с наблюдательного пункта и вместе с разведчиком – уральцем сержантом Коробовым, идти в тыл на огневую, передать приказ на передислокацию. Мы шли по пашне не маскируясь. В полукилометре от батарей

с левого фланга неожиданно прорвались немецкие танкетки с кочующими минометами и фрицами на борту. Мы выстрелили в них из карабинов, они в нас – дважды, и скрылись: вероятно, полагали, что где-то вблизи батареи. Одной миной, взорвавшейся вблизи, нас обоих ранило осколками: меня в левую голень, а разведчика – в правое плечо. Я перевязал ему рану, а сам идти не мог, сапог залило кровью. Коробов взвалил меня на плечо, и так мы добрались до своих. Передали сложный секретный маршрут следования, и батареи продолжили наступление за пехотой. За выполнение этого приказа я награжден орденом Красной Звезды.

Первую медицинскую помощь мы с разведчиком получили в санроте. Потом врачи взялись за операцию: надо было извлечь осколок из ноги. Лежу на операционном столе под градусами спирта с нарисованными молодыми медсестрами йодовыми усами – дополнительный способ обезболивания, и как в тумане слышу слова военврача майора Петрова: «Сынок, зачем мы будем булавку искать в стогу сена и резать ногу ради осколка? И так поправишься и бегом на передовую». И правда: рана не гноилась, опухоль спала – не стали оперировать. Только прихрамывал при ходьбе. Осколок до сих пор в ноге.

Действительно, дней через десять я вернулся сначала на батарею – огневую, потом в свой родной взвод управления. Около двух месяцев мы провели с передовыми частями и армидивизией, пешком и на полуторке-газике – шофером был туркмен-учитель. Нам здорово не везло. То танк, обгоняя нас, снесет левый борт, то радиатор не вовремя закипит из-за перегрева мотора, а останавливаться в движущихся колоннах строжайше запрещено. Однажды мы устроили наблюдательный пункт на чердаке здания спиртзавода, и шофер, отъезжая от нас, неосторожно свернул с дороги – колеи танков, и наскокил на противотанковую мину. Взрывом раскидало автомашину, погиб шофер, сгорела амуниция, постель и трофейный спирт. На войне не знаешь, что ждет через минуту.

А еще война – это солдатский быт. Мы питались скромно. В обороне приедалась перловка, прозванная шрапнелью. Случалось в морозные дни пилой пилить замерзшую буханку хлеба – ее даже топор не брал. Зато было усиленное питание в периоды наступления, подкрепленное ста граммами сорокоградусной, трофейными шоколадом и шнапсом. При небольшой передышке в длительных наступлениях солдаты ухитрялись черкнуть письмецо карандашом на родину с полевой почтой 01923 и 40375. Треугольники слали в родительские семьи: подругами многие из нас до войны не успели обзавестись...

Весной сорок пятого мы были молодыми. Страна ждала от нас завершающих боев – и они наступили

ПЕТР ХОМУТИНИН

> ДЕТИ О ВОЙНЕ

Из сочинений учеников школы № 10

Пехотинец на танке

С САМОГО начала войны в июне 1941 года мой прадед Иван Архипович Камнев был призван на фронт.

Его направили в мотострелковый полк под город Ржев, где в то время шли кровопролитные и ожесточенные бои с немецкими захватчиками. В этих боях прадед был тяжело ранен и вывезен в госпиталь города Челябинска на лечение, где находился полгода. После выздоровления его направили в танковый полк в качестве механика-водителя танка «Т-34». В течение года он воевал в этом полку на танке, приходилось брать водные преграды, населенные пункты, уничтожая при этом живую силу противника и его технику. По его словам: «По первости было страшно и жутко давить живых людей, хотя они и были врагами, но постепенно начал привыкать, как к обычной работе. Особенно, когда посмотрелся на то, что делали немецкие оккупанты на захваченной ими территории». За эти бои он был награжден орденом Красной звезды и медалью «За отвагу».

В одном из боев его танк подбили, прадедушка получил ранение. И опять был направлен в госпиталь, пролежал около года, так как была сильная контузия. После лечения – авиационно-истребительный полк, которым командовал полковник Покрышкин, в качестве стрелка охранял боевые самолеты. И, как он рассказывал, вторую медаль «За отвагу» получил за то, что задержал немецкого диверсанта на аэродроме. С полком дошел до столицы Австрии – Вены, где его и застал День Победы.

АНАСТАСИЯ КАМНЕВА,
ученица 8 «В» класса

Спас главком

ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО июня сорок первого года на войну ушел мой прадед Солюмонов Иван Герасимович.

Он родился 16 октября 1910 года, а умер 17 мая 1990 года. Со слов мамы и бабушки, он был очень аккуратным, спокойным, скромным и справедливым. Оттом, как воевал на фронте, не любил рассказывать. При жизни его не раз приглашали в школы, чтобы он вспомнил о боевых сражениях, в которых он участвовал, и за какие заслуги перед Отечеством награжден.

Воевал в танковых войсках механиком-водителем. Об одном из сражений прадед вспоминал с болью. Бой был страшным и тяжелым, Иван Герасимович вел танк на врага, но в самый ответственный момент машина заглохла. Старший по званию поломку танка воспринял как предательство, и прадеда прямо во время боя приказали расстрелять. Мне этот момент очень напомнил фильм «Два товарища»: главного героя ведут на расстрел за то, что не получилась съемка вражеского расположения, и его спасает приехавший на место сражения главнокомандующий.

У прадедушки получилось так же: приехал главнокомандующий и отменил этот приказ. Иван Герасимович сел в другой танк и ринулся в бой. В этом бою он подбил три фашистских танка, был контужен, получил три осколочных ранения. Один из осколков оставался с ним до последних дней и частенько давал о себе знать. За этот бой он был представлен к медали «За отвагу». После госпиталя его перевели в кавалерию, так как родное подразделение было уже далеко...

Иван Герасимович – полный кавалер ордена Славы, дошел до Берлина, а потом была война с Японией, только по окончании которой он смог вернуться к семье.

У прадедушки было пятнадцать наград, но за что и как они были получены, никто, к сожалению, не знает...

ЕВГЕНИЙ СМIRНОВ,
ученик 8 «В» класса

> Солдаты с нетерпением ждали наступлений: и боеприпасов достаточно, и с провиантом порядок